

ЭРИН КЕЛЛИ

ЭРИН КЕЛЛИ

КАМЕННАЯ
ПАЦИЕНТКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К34

Серия «Психологический триллер»

Erin Kelly

STONE MOTHERS

Перевод с английского А. Воронцова

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Келли, Эрин.

К34 Каменная пациентка : [роман] / Эрин Келли ;
[перевод с английского А. Воронцова]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Пси-
хологический триллер).

ISBN 978-5-17-114863-8

Однажды 17-летняя Марианна сбежала из родного го-
родка — прочь от бойфренда Джесса и от того, что они
совершили вместе.

Но много лет спустя, вынужденная вернуться, чтобы
ухаживать за больной матерью, она понимает: ничто не
забыто.

Джесс шантажирует и угрожает.

Джесс не остановится ни перед чем, чтобы разрушить
счастливую жизнь, которую Марианна создавала для себя
столько лет.

Однако Марианна тоже готова на многое, чтобы за-
щитить себя и своих близких.

Даже если ради этого придется заключить союз со злей-
шим врагом — женщиной, у которой есть собственные
причины ненавидеть Джесса и желать, чтобы он замолчал...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-114863-8

© E S Moylan Ltd., 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

Оуэну Келли, чей поступок вдохновил меня на эту книгу.

Мы рады сообщить, что данная больница в первый же год своей деятельности не имеет себе равных ни в графстве, ни за его пределами. Здание оборудовано для самых современных методов лечения. Здоровая местность вокруг, просторные комнаты и галереи — все это способствует спокойствию пациентов. Солнце и воздух свободно проникают в каждое окно. Проект учитывает более высокую склонность женщин к безумию, поэтому в лечебнице восемнадцать женских палат и четырнадцать мужских. И действительно, многие женщины, уставшие от домашних неурядиц или чрезмерного количества детей, просят остаться здесь подольше.

Сэр Уорвик Чейз, главный инспектор сумасшедших домов и советник Комиссии по лунатизму. Выдержка из первого ежегодного доклада по Лунатическому приюту для бедняков Восточной Англии, 1868.

Часть 1

ПАРК-РОЙАЛ-МЭНОР

2018 год

Глава 1

Повязка на глазах причиняет боль. В неумении завязать узел проявилась его неопытность. Он затянул его туго, но небрежно, захватив прядь моих волос. Всякий раз, когда он слишком быстро входит в поворот, меня качает в сторону, ремень безопасности врезается в плечо и точечная тянущая боль на коже головы усиливается.

Он тормозит без предупреждения: меня бросает вперед. Фиолетовый шелк, слегка ослабший возле моего правого виска, пропускает немного света, но никакой полезной зрительной информации.

Он сделал все для моей полной сенсорной депривации. В машине нет музыки. Только ритм моего и его дыхания, басовитые нотки двигателя, щелчки переключаемых передач. Радио могло бы помочь. Подсчет трехминутных поп-песен позволил бы мне определить время. Если строить догадки, то я бы сказала, что мы едем около часа, но на самом деле вполне может быть полчаса или два. Я знаю, что мы выезжали из Лондона, а не углублялись в него, и должны сейчас быть уже далеко от города. Первые пары миль я могла отслеживать наш маршрут по остановкам

на светофорах и «лежачим полицейским». Чтобы в любом направлении покинуть Ислингтонскую зону «двадцать-миль-в-час», требуется десять минут. Я уверена, что чувствовала аромат барбекю от ресторана на Сити-роуд, но думаю, он объехал по кольцу на Олд-стрит дважды, чтобы запутать меня, и после этого я растерялась.

Как только мы выбрались из города и поехали быстро, мой нос несколько раз уловил запах костров — самый сезон для них! — древесный дым домашних поленьев, намного более приятный, чем от ферм и заводов.

Временами кажется, что мы посреди полей, виляем по проселочным дорогам, затем он снова едет ровнее и быстрее, и поток пронсящих мимо машин говорит мне, что мы вернулись на главную трассу. Если мы направляемся в аэропорт, я, наверное, услышу шум самолетов.

В самолет я не сяду!

— Дерьмо... — бормочет он и тормозит снова. Последние несколько волосков моей зажатой пряди вырываются с корнем. Я чувствую, как он поворачивается на сиденье, и ощущаю его дыхание на своей щеке, когда он медленно дает задний ход. Я пользуюсь возможностью и тяну руку к своей голове, но он следит за мной так же зорко, как за дорогой.

— Марианна! Ты обещала!

— Прости, — говорю я. — Это теперь по-настоящему действует мне на нервы. Что, если я закрою глаза, пока перевяжу? Или пока ты перевяжешь?

— Хорошая попытка, — отзывается он. — Послушай, это уже недалеко.

Как близко это «недалеко»? Еще минуту? Еще полчаса? Если я напрягу щеку, то смогу видеть немного больше. Свет, который я ощущаю через фиолетовую ткань, начинает быстро мерцать. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь забор? Мерцание едва заметное, на грани восприятия, и для забора чересчур беспорядочное. Похо-

же, мы в тоннеле из растущих по сторонам деревьев, что означает деревенскую дорогу, а следовательно...

— Сэм! Ты заказал нам спа-салон?

Я слышу улыбку в его голосе.

— Думаю, я сделал даже лучше.

Мои плечи расслабляются, как будто руки массажиста уже на них. Я не могу придумать ничего лучше, чем два дня лениво подвергаться «трамбовке» от мускулистых молодых женщин в белых туниках. Это, должно быть, то оздоровительное место на побережье Эссекса, куда я так стремилась попасть. В Эссексе я смогу отдохнуть. Я смогу добраться до мамы за час и до Хонор за два. Возможно, когда Сэм сказал, что сделал даже лучше, это означало — он организовал все так, что Хонор тоже будет там.

Дорога теперь неровная, вся в выбоинах, засыпанных хрустящим гравием, и я поднимаю руки вверх, готовясь размотать шарф.

— Еще две минуты! — Голос Сэма поднимается на октаву. — Я хочу посмотреть, как ты увидишь это!

Скрип шин. Я терпеливо жду, сложив руки на коленях, пока парковочные датчики пищат все чаще.

— Итак... готово! — восклицает Сэм, распуская узел с эффектным взмахом. — Добро пожаловать в Парк-Ройал-мэнор!

Название знакомо мне из буклетов, как и общая картина, но из-за потрясения я не сразу охватываю ее целиком.

Сперва я вижу целый ряд архитектурных особенностей — зубцы и фронтоны, вычурную серую каменную кладку, высокие неприступные окна — однако не могу воспринять все это в целом.

— Я слишком близко, — пытаюсь я сказать, но получается это шепотом.

Назаретская больница, или Лунатический приют для бедняков Восточной Англии, как она называлась изна-

чально, не была предназначена для разглядывания вблизи. Только с расстояния, принимали ли вас сюда, или вы бросали на нее последний призрачный взгляд через плечо, когда выходили либо сбегали. Последний раз я видела это место (и до сих пор вижу его в своих снах) издалека. Больница казалась заполняющей все пространство до горизонта. Она громоздилась на том, что в этих краях считается холмом, господствуя над плоской равниной вокруг. Построенная для обслуживания трех графств, слишком большая для скромного Саффолка, неуместно выделяющаяся своими викторианскими размерами.

Я способна доехать от Лондона до Настеда почти на автопилоте. Так как же я могла не признать дорогу?

Сэм потирает руки от удовольствия.

— Как сильно ты теперь меня любишь? Давай пойдём и хорошенько все здесь рассмотрим! — Он тянется через меня и отстегивает большим пальцем мой ремень безопасности. Я не могу выбраться из машины. Крик вцепляется в мое горло когтями. Фотографии в брошюре не передают всех изменений. Те окна, обшитые панелями от пола до потолка, теперь открыты, в новых рамках поблескивают сотни неразбитых, чистых стекол. Плющ и буддлея, невозможным образом проросшие из покосившихся дымовых труб и гниющих перекладин, исчезли, уступив место виргинскому вьюнку. Его насыщенно-красные листья аккуратно подстрижены и обнажают серебристые кирпичи. Огромные двойные двери заменены на сдвижные стеклянные пластины с гравировкой «Парк-Ройал-мэнор», выполненной матовыми завитушками. Мой взгляд отказывается подниматься выше.

— Что... — начинаю я. — Что мы тут делаем, Сэм? Зачем мы здесь?

Он принимает мою панику за удивление.

— Я нашел для тебя уютное пристанище. Хватит доламывать диван Колетты и шататься по отелям.

Я опускаю глаза, однако так еще хуже. Нет, я не вижу отремонтированную часовую башню, но я вижу ее тень, словно гигантский силуэт солнечных часов, темно-серый палец, указывающий прямо на меня. На самом деле причудливая ковка башенного циферблата всегда являлась лишь маскировкой для наблюдательного поста — в Назарете ввели это правило в свое время, — и я будто чувствую, что за нами наблюдают и сейчас. Я неуклюже пробую снова прикрыть глаза повязкой, закусив край шарфа зубами.

— Марианна? — произносит Сэм, уставившись на меня. — Марианна, в чем дело?

Это и не крик, в довершение ко всему, напротив — я отчаянно всасываю сухой воздух, который не содержит кислорода, только пыль:

— Я не могу войти внутрь... — Я стараюсь взять себя в руки. — Пожалуйста, Сэм, не заставляй меня туда возвращаться...

Глава 2

— Какого черта, в чем дело?

Мы припарковались под огромным кедром, достаточно далеко от подъездной дорожки и посторонних глаз. Игольчатые листья образуют над нами черный навес. Я стыжусь своей реакции и отчаянно пытаюсь преуменьшить ее, но уже слишком поздно. Лицо Сэма изменилось. Исчезло пылкое рвение, такое яркое две минуты назад, и теперь на нем выражение, которое я видела, когда он принял первый звонок от моей матери или когда Хонор вернулась в «Лиственницу» и он ожидал меня возле стойки администратора. Он сует мне в руки бутылку воды. Кедровые ветки над нами мягко шелестят.

Джесс вырезал наши инициалы на одном из этих деревьев. «Дж.Дж.Б. и М.С.», обведенные контуром сердца.

Иногда такая резьба становится даже заметнее с годами, потому что ствол растет, и рубцы расширяются.

— Мне очень жаль, — говорю я, и это все, что я могу сделать, потому что мне снова семнадцать и я опять в гулких палатах. Я вновь представляю все это: слова, вспыхивающие пламенем. Жизни, сводящиеся к влажным простыням и обходам врачей. Ключи, поворачивающиеся в замках. Звон разбитого стекла и бегство. Понятия, которые определяют меня впоследствии: мать, жена, работа — уходят прочь. Слова перед моим именем и после него стираются сами собой, и я становлюсь частью своего прошлого. Мысль о том, чтобы снова туда войти, ощущается как.. — сравнение выскакивает само, прежде чем я успеваю ему помочь, — как электрошок.

— Я думал, тебе понравится, — говорит Сэм. — Думал — внесу тебя сейчас через порог, а там уже шампанское в холодильнике. Если тебе не нравится это место, зачем тебе все те рекламные брошюры под кроватью? Если что, я не рылся — они на виду.

Это чертовски хороший вопрос, это вопрос вопросов, это вопросище, и сама я никогда не позволю ему узнать ответ. Я чувствую необходимость следить за этим местом, так же, как и за Джессом. Отношения с людьми и местами могут быть прочными и неохотными одновременно. Я читала эти брошюры наедине с собой, мои тайные истории на сон грядущий, переворачивая страницы медленно, не спеша, вылавливая ложь, и словно уже тогда заботилась о том, чтобы мрачная правда не открылась сейчас. Временами, когда мазохистское побуждение продолжать чтение достигало пика, мне хотелось взять что-то тяжелое и стукнуть себя по голове, но все, на что у меня хватало сил — это спихнуть брошюру вниз с края кровати перед тем, как отключиться.

— Я подумал, что это, должно быть, дом твоей мечты. Судя по тому, как ты их прятала. Ну, как говорится —

обруч передо мной — пришлось попрыгать. Чтобы взять ипотеку без твоего ведома. Ну ладно, возможно, мне не стоило так тебя удивлять, но ты ведешь себя так, будто я сделал что-то плохое.

В какую-то безумную секунду я подумываю сказать ему правду, но...

— Это фобия, — говорю я в свои колени. Мой стыд не притворный: я лгу кому-то, кто этого не заслуживает. — Детские страхи. Я просто... Это место. Я этого не ожидала.

— Но его видно из дома Колетты. Тебя никогда это не беспокоило.

— Отсюда до дома Колетты три мили, — оправдываюсь я, но теперь хотя бы немного восстанавливаю контроль над своим телом и мыслями. — Когда я была маленькой, Назаретская больница считалась местным Домом С Привидениями. О ней мы придумывали всякие истории возле походного костра. Сбежавшие сумасшедшие, пробирающиеся в кандалах по болотам, позвякивающие цепями на ногах и готовые схватить тебя прямо в постели. У меня случались об этом кошмарные сны.

Здесь много правды: только в целом это ложь.

— О, дорогая. — В его голосе слышится смех. — Прости. Но это — ирония судьбы. Ты должна признать это. Преподаватель истории архитектуры — и вдруг с фобией старого здания.

— Я понимаю, да. — Я вымученно улыбаюсь. Конечно, это не ирония судьбы и не простое совпадение. Вся моя карьера была лишь способом попытаться понять и хоть как-то проконтролировать это место.

— Когда ты впервые на него взглянула, тебя словно кувалдой по голове огрели. И все из-за меня. Даже когда я стараюсь — то ничего не могу сделать правильно, не так ли?

Внезапно меня поражает то, что совершил Сэм: время и усилия, деньги, затраченные на покупку недвижимости — он устроил все это, даже не попросив моей помощи, в разгар огромного рабочего проекта, ради меня, чтобы облегчить жизнь жены, и теперь считает, что женился на...

— Господи, Сэм! Ты, наверное, думаешь, что я такая неблагодарная сука. Спасибо тебе. Это один из самых добрых поступков, которые кто-либо когда-то совершал для меня. — Я заставляю себя улыбнуться. Такое чувство, что кожа на моих губах сейчас треснет, но это срабатывает: Сэм снова выглядит вполне довольным собой.

— Хорошо. Я знаю, что это многое значит для твоей мамы.

Его слова мгновенно меня озадачивают.

— Ты рассказал об этом моей маме? И она даже поняла, о чем речь?

— Ну, Колетта может ей напомнить.

— Колетта в курсе? Не знаю, что удивительнее: то, что ты провернул все за моей спиной, или то, что она хранила секрет. — Моя сестра — самая большая сплетница в Настеде; прежняя роль моей матери отлично ей подходит.

— Я человек со скрытыми глубинами. В тихом омуте... — Сэм шутит, но мне это не нравится. Тихий омут — это не то, на что я подписывалась. Аманда, ведущая моей кафедрой, однажды пела дифирамбы своему мужу и призналась, что вышла за него, потому что знала — она никогда не доберется до его сути. Для меня же нет ничего хуже. Сэм не мелкий водоем, но кристально чистый. Склонный к внезапным идеям возле своей чертежной доски, но не в своем браке. Он тверд как характером, так и телом. Мы во всем с ним сходимся, за исключением того, как воспитывать нашу дочь, да и то спорим лишь иногда. Я доверяю ему. Недостаточно,

конечно, чтобы все рассказать, — однако знаю, что он не причинит мне вреда. Любой, кто считает предсказуемость скучным доведением к безопасности, просто не знал настоящего страха.

Солнце заходит за крышу здания, и температура внезапно падает. Так было всегда, я помню: вечер опускался на внутренний двор гораздо раньше настоящего заката.

— Холодает, — говорит Сэм, потирая руки. — Пошли распаковываться. Я полагаю — все это случилось просто от неожиданности, верно? Теперь ты знаешь, чего ожидать, и мы можем войти. Ты почувствуешь себя лучше, как только мы разберем вещи и сделаем это место по-настоящему своим. Ты знаешь, как оно выглядит внутри, если видела буклеты. Там нет ничего жуткого. И никаких привидений. — У него урчит в животе. — И мы сможем заказать доставку чего-нибудь съестного, — добавляет он.

— Сэм, ты в сельской местности, в Саффолке. Здесь в окрестностях всего одно заведение с едой навынос, и то они ничего не доставляют. Давай съездим сами.

Все, что угодно, только бы подальше от этого места. Все, что угодно, лишь бы протянуть время.

Глава 3

Сэм держит палец на переключателе ближнего и дальнего света. Когда я была девочкой, здесь можно было ехать минут пять и не встретить ни одного другого автомобиля, и сейчас ситуация не сильно изменилась. Больничная дорога — или Королевский проезд, как ее переименовали, — это тупик. Путь в один конец. От Назарета до Настеда всего три мили по прямой, но дорога проложена с учетом непроходимых Настедских болот, и асфальтовый ручей вьется, огибая трясины.